

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 3, pp. 478–491, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478–491
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

Особенности сюжетологии в синьцзян-ойратской эпической традиции

Цаган Бадмаевна Селеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-3285-3038. E-mail: tsagana007@mail.ru

Аннотация. Изучение эпического сюжетосложения является одной из актуальных проблем поэтика фольклора. *Целью* настоящего исследования является изучение способа организации и подачи эпических сюжетов в традиции, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами, обнаружение скрытых планов, контаминации, новаторства, сюжетных трансформаций и модификаций. В качестве *объекта исследования* привлекаются сюжеты о героическом сватовстве эпоса «Джангар», бытующие в синьцзян-ойратской эпической традиции. *Результаты.* Анализ эпических сюжетов о героическом сватовстве, в контексте поздней национальной традиции ойратов Синьцзяна, выявил некоторые характерные особенности сюжетосложения. Разработка универсальной для тюрко-монгольской эпики темы героического сватовства в синьцзян-ойратской традиции отмечена многообразием, отражающим различные формы сватовства сказочно-эпической архаики, а также последовательные изменения брачных и семейных отношений, пережитки обычаев матриархата и патриархальных тенденций; брака-умыкания, брака по колыбельному сговору, традиционного брака и др. В ходе исследования было выявлено, что в синьцзян-ойратской традиции представлены все типы сюжетов: архаизированные сюжеты, насыщенные мотивами, традиционные и классические. Обнаружены также полистадиальные образцы, имеющие в большей или меньшей степени влияние архаического и классического типов эпоса. Следует отметить, что некоторые традиционные мотивы претерпели трансформацию в сюжетах классического типа, а их содержание, событийный фон, функции персонажей, приближены к исторической действительности. В сюжетах поздней эпики «живой» синьцзян-ойратской традиции наблюдаются процессы сказительского новаторства и контаминации. Контаминация может быть проявлена на уровне эпизодов, обусловленных контекстными взаимосвязями сюжетов внутри традиции и общности, а также заимствованиями калмыцкой версии («О женитьбе Узюнг Алдар хана», «О том, как славный нойон богдо Джангар взял в жены Ага Шавдал», «О женитьбе Хошуна»). Обнаруживаются сюжеты, имеющие двухходовую контаминированную структуру, — сюжет «о мнимом женихе» («О Хан Сийре»), сюжет «о мнимой невесте» («О женитьбе Хонгора»), сюжет «о запрете и его нарушении» («О женитьбе Узюнг Алдар хана»). Эпическая общность сюжетов обнаруживается на содержательном уровне эпических ситуаций и коллизий, функций персонажей, ходе повествования.

Ключевые слова: эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия, эпическая традиция, эпический сюжет, эпический мотив, героическое сватовство, контаминация, новаторство

Благодарность: исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Селеева Ц. Б. Особенности сюжетосложения в синьцзян-ойратской эпической традиции. *Oriental Studies*. 2019;(3): 478–491. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478–491.

UDC 398.22

The Xinjiang Oirat Epic Tradition: Peculiarities of Plot Studies

Tsagan B. Seleeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

ORCID: 0000-0002-3285-3038. E-mail: tsagana007@mail.ru

Abstract. Studies of epic plots constitute an urgent issue of present-day folklore poetics. The paper considers plots of the *Jangar* epic as living narratives in all their structural complexity, relevance of motifs, and eventfulness on the content level. *Goals.* The study aims to provide an insight how the tradition organizes and presents epic plots, reveal semantic and structural ties, relations between characters, discover some hidden expositions, contaminations, novelties, plot transformations, and modifications. The *research objects* are Xinjiang Oirat *Jangar* epic plots dealing with the hero's matchmaking. *Results.* The analysis of the mentioned plots in the context of the contemporary Xinjiang Oirat national tradition reveals some typical plot formation features. In the Xinjiang Oirat tradition, the universal Turko-Mongolic epic theme of the hero's matchmaking is characterized by diversity mirroring various matchmaking forms inherent to the fabulous-and-epic antiquity, as well as consecutive changes in marriage patterns and family relations, vestiges of matriarchy and patriarchal trends, marriage by abduction, cradle marriage, traditional marriage, etc. The study reveals that the Xinjiang Oirat tradition contains all types of plots: archaic plots rich in motifs, traditional and classical ones. The discovered polystadial patterns include — to a greater or lesser extent — impacts of archaic and classical types of the epos. It should be noted that some traditional motifs have experienced transformations within classical plots, and their content, event background, functions of characters come close to historical reality. Plots of the late 'living' epic Xinjiang Oirat tradition illustrate processes of introducing tale-telling novelties and contaminations. The latter can be manifested in episodes determined by contextual interrelations of plots within the tradition and community, as well as in borrowings from the Kalmyk version ('*About Uzyung Aldar Khan's Marriage*', '*About How the Glorious Noyon Bogdo Jangar Married Aga Shavdal*', '*About Khoshun's Marriage*'). The paper traces plots with double contaminations, e.g., the plot 'about an imaginary bridegroom' ('*About Khan Siyr*'), the plot 'about the imaginary bride' ('*About Khongor's Marriage*'), the plot 'about a prohibition and its violation' ('*About Uzyung Aldar Khan's Marriage*'). The commonality of epic plots is traced on the content level of epic situations and collisions, functions of characters, movement of narratives.

Keywords: epic of *Jangar*, Xinjiang Oirat version, epic tradition, epic plot, epic motif, hero's matchmaking, contamination, newly introduced narratives

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Seleeva Ts. B. The Xinjiang Oirat Epic Tradition: Peculiarities of Plot Studies. *Oriental Studies*. 2019;(3): 478–491. 10.22162/2619-0990-2019-43-3-478–491.

Основоположник исторического подхода в нарратологии А. Н. Веселовский под сюжетами понимал «сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [Веселовский 2006: 539]. На морфологическом уровне им установлена корреляция между мотивом и сюжетом, выявлена функция мотива как единицы повествования, обладающей сюжетообразующим потенциалом. Сюжет же представляется в виде сложной, многочленной комбинации таких единиц. Между тем дальнейшие исследования повествовательного сюжета (Р. Якобсон, В. М. Жирмунский), выявили последовательность мотивов и их внутреннюю логику. Сюжет — это не просто скопление мотивов, а художественная совокупность мотивов, — это особая художественная структура, сложенная по законам художественной композиции [Якобсон 2011: 49–50].

П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон специфике фольклорного произведения видели в динамическом сочетании устойчивого, традиционного, нормативного и живого, творчески изменяющегося (цит. по: [Сорокина 2016: 217]).

Категория сюжета весьма подробно изучена Б. Н. Путиловым, считающим ее одной из основополагающих в фольклоре [Путилов 2003: 195–201]. Ученый считал необходимым изучение фольклорного сюжета в соотношении с традицией и жанровыми особенностями. Он отмечает многомерность и перспективность сюжета, его соотношение с другими сюжетами, с системой мотивов, с языком, с жанром; «сюжет складывается по законам жанра, его грамматики, языка; каждый жанр обладает своим сюжетным фондом» [Путилов 2003: 200]. Национальный эпос, по мнению ученого, со стороны содержания и способов выражения этого содержания, находится в определенных исторически и типологически обусловленных границах. В плане сюжетики есть некоторый набор коллизий, ситуаций, отношений, событийных эпизодов, временных и пространственных (континуумов), психо-

логических состояний, которые составляют постоянный, устойчивый и повторяющийся арсенал эпоса [Путилов 1975: 145]. Эпическое сюжетосложение основывается на закономерностях и принципах, составляющих внутреннюю сущность эстетики народного эпоса и теснейшим образом связаны с характером эпического историзма, с отношением эпоса к действительности [Путилов 1970: 23].

Эпический сюжет выражен событийной канвой, связанной с действиями главного героя-богатыря, составляющими реальное содержание глав-песен и сосредоточенными в первую очередь вокруг главной эпической коллизии: это вместе с тем и система отношений между персонажами, и внутренние обстоятельства, определяющие эти отношения.

Несмотря на достаточную проработанность данной проблематики в отечественной и зарубежной фольклористике [Богатырев, Якобсон 1971; Веселовский 2006; Дандес 2003; Джапуа 2016; Жирмунский 2004; Кичиков 1997; Левинтон 1975; Манджиева 2018а; 2018б; Неклюдов 1996; Пропп 2001; Путилов 1970; 1975; 1999; 2003; Райхл 2008; Тамарченко 2003; Топорков 2003; Селеева 2018а; 2018б; Силантьев 2002; 2016; Убушиева 2018; 2019], она все еще остается актуальной и до конца не изученной.

В настоящем исследовании сюжеты эпоса «Джангар», объединенные тематически, описываются не схематично и абстрагировано от конкретного содержания, а рассматриваются как живые повествования, во всей их структурной сложности, релевантности мотивов и событийности содержательного уровня.

Целью исследования является изучение способа организации и подачи эпических сюжетов в традиции, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами, обнаружение скрытых планов, контаминации, новаторства, сюжетных трансформаций и модификаций. В качестве объекта исследования привлекаются сюжеты о героическом сватовстве эпоса «Джангар, бытующие в синьцзян-ойратской эпической традиции.

Сюжет «О женитьбе Бёке Мёнген Шигширги» [Джангар 2005: 57–76] сложен в русле традиционных сюжетов о героическом сватовстве архаического типа. Налицо архаизация, выраженная мотивами и атрибутами сказочно-эпической архаики, элементами свадебного обрядово-ритуального комплекса. Сюжетная мотивировка, связанная с отправлением героя на поиски суженой, имеет скрытый характер и раскрывается в ходе повествования. Герой отправляется в странствия, прибыв в ханство суженой, в разговоре с ханом напоминает о «колыбельном сговоре», что дочь хана является его невестой, но, несмотря на прежние договоренности, хан устраивает состязания, в которых победу одерживает герой и забирает суженую.

В сюжете повествуется о герое Бёке Мёнген Шигширги, который просит родительского позволения и благословления отправиться в дальний путь. Герой не озвучивает своего истинного намерения, а объясняет желанием развеять свою богатырскую удачу и сразиться с вепрем-богатырем. Родители пытаются отговорить сына от затеи отправиться в странствия, но герой проявляет твердость и настойчивость в намерении исполнить свой замысел. Проведя в пути много времени, он прибывает в приграничье кочевий Зула-Алдар-хана.

В облике *тархи*-паршивца¹ герой въезжает в пределы кочевий иноземного хана, встречается со стражниками от которых получает весть о предстоящем замужестве ханской дочери Алтан Ганджур. Далее сюжет повествует о поведении героя в иноземном ханстве, где он демонстрирует свои лучшие богатырские качества. Одним из ключевых в сюжетном повествовании является встреча и беседа героя с ханом, отцом суженой. Хан вступает в разговор с юношей и спрашивает о нем, чей он сын, из каких кочевий-владений родом и по какому делу прибыл. Это немаловажно, поскольку принадлежность к определенному славному роду, предкам, кочевьям-владениям, характеризуют статус и положение героя в обществе.

В диалоге открывается истинный мотив прибытия героя в кочевья хана: Бёке Мёнген Шигширги поведал о том, что он родом из владений Алтан Зу, сын умершего и вос-

кресшего на пятнадцать лет Ширки, с которым у хана в давние времена была договоренность стать сватами, если у них родятся сын и дочь.

Зула Алдар-хан подтверждает ранее достигнутую договоренность с его отцом, но не может просто отдать за него дочь, поскольку имеются еще и другие достойные претенденты. Хан проводит традиционные три вида состязаний — стрельбу из лука, скачки, борцовский поединок. Герой участвует в состязаниях и одерживает победу, женится на суженой и, погостив некоторое время, изъявляет желание вернуться в родные кочевья.

Получив в качестве приданого половину табуна и половину стада верблюдов, молодые отправляются в путь. Сюжет завершается благополучным возвращением в родные кочевья Алтан Зу, возведением молодым ставки-дворца и традиционным свадебным пиром. «Бёке Мёнген Шигширги под покровительством Алтан Зу, поженившись с суженой Алтан Ганджур, возглавив владения Тёвшюн Ширки, укрепив власть и религию, зажил в счастье и благоденствии» [Джангар 2005: 76].

Сюжет «Главы о женитьбе Салькин-Таваг-богатыря» [Джангар 2005: 441–464] выстроен в традиционном ключе сюжетов о героическом сватовстве, с использованием большего арсенала мотивов. Сюжет повествует о герое, отправившемся в путь на поиски страны Торгон Джолы-хана. Герой преодолевает долгий путь с препятствиями и благополучно прибывает в кочевья Торгон Джолы-хана. В чужой стране героя ждут испытания — он меняет обличье себе и коню, враждебно принятый, сражается с ханским войском и демонстрирует свои героические и богатырские качества, принимает участие в состязаниях за невесту и выходит победителем. После этого благополучно женится на дочери Торгон Джолы-хана и возвращается в родную Бумбайскую державу.

Сюжет главы «О том, как славный нойон богдо Джангар взял в жены Ага Шавдал» [Джангар 2005: 169–196] построен в характерном для сюжетов о героическом сватовстве плане. Сюжет примечателен тем, что повествует о героическом сватовстве *нойона богдо* Джангара, правителя Бумбайской державы.

¹ Тарха — шелудивый мальчуган.

Специфической особенностью сюжета является контаминация, обусловленная контекстными взаимосвязями, в частности пролога, повлиявшего на некоторые эпизоды. Так, эпизод, повествующий о визите Джангара в страну сорока девяти ханств, хана четырех материков, относящийся к мотиву «пути Джангара», отсылает к эпизоду пролога калмыцкой версии Ээлян Овла, где говорится о том, что Джангар, прежде чем взять в жены Ага Шавдал, отверг дочерей ханов четырех материков.

Сюжет начинается с того, что по совету мудреца герой Джангар отправляется в далекую страну с целью жениться на дочери Номо Тёгес-хана.

Продлав долгий путь, побывав в гостях у других ханов, герой прибывает вместе с встретившимся в пути богатырем-соратником, в страну Номо Тёгес-хана. Там он узнает, что имеется еще один претендент на руку его суженой. Отец невесты устраивает три вида состязаний, победителем становится герой, который женится на дочери хана Ага Шавдал.

Сюжет «О женитьбе Няrbата» [Джангар 2008: 187–200] разработан в русле типологических сюжетов на тему героического сватовства. Специфической особенностью данного сюжета является мотивировка, выраженная мотивом пророческого сна, послужившая причиной отправления героя Няrbата в страну суженой.

Сюжет имеет влияние архаического и классического типов эпоса. Так, к разряду архаического следует отнести образ суженой героя, который восходит к сказочным образам, она является представительницей иного мира, дочерью владыки водного ханства. Если в классической эпике путь героя пролегает в кочевья иноземного хана, то здесь ему следует отправиться во владения водного ханства. Но вместе с тем налицо элементы дружинного классического типа: в отпавлении героя в путь участвует правитель Джангар, который в сопровождение ему дает богатыря-помощника Хонгора. К архаическому также относится эпизод превращения героя Няrbата и Хонгора в *тарха*-паршивцев при вхождении в границы владений водного ханства. Событийные эпизоды и мотивы, связанные с испытаниями героя суженой, имеют типологическое единство с сюжетами синьцзян-ойратской

версии «О женитьбе Хошуна» и «О женитьбе Хонгора».

Сюжет повествует о герое Няrbате, которому пришло время жениться. Весть о суженой он получает посредством пророческих сновидений. Герою Няrbату снится сначала сон о том, что он сватается к дочери владыки водного ханства, затем, что он преподносит подношения владыке и устраивает свадебный пир. Правитель Джангар благословляет Няrbата и отправляет его с Хонгором в путь. Прибыв во владения водного ханства, Няrbат и Хонгор превращают себя в *тарха*-паршивцев. Няrbат проходит ряд предварительных инициационных испытаний: по просьбе дочери хана исполняет «Джангар», а затем во время предсвадебных празднеств, при разрезании мяса, когда ножи у всех присутствующих оказываются тупыми, только нож Няrbата оказывается острым, и дочь хана благополучно завершает ритуал разрезания бараньего мяса.

Владыка-хан устраивает три вида состязаний. Герой выигрывает их, проявив хитрость и смекалку, а также с помощью дочери хана и женится на ней.

Сюжет главы «О женитьбе Узюнг Алдар хана» [Джангар 2005: 37–56] имеет двухходовую контаминированную структуру и содержательно построен по схеме волшебных сказочных повествований (концепция В. Я. Проппа) «запрет — нарушение запрета — беда». Конфликтность сюжета обусловлена запретом, связанным с суженой героя, нарушение которого, влечет за собой беду для героя. Первая часть сюжета посвящена собственно коллизиям, связанным с героическим сватовством, вторая часть посвящена периоду счастливой семейной жизни героя, рождению наследника и, беде, случившейся согласно предсказанию. Сюжетное повествование имеет развязку драматического характера несвойственную джангаровским сказаниям. По всей видимости, эпизод сюжетной развязки является плодом новотворчества сказителя и навеян знанием джангаровской традиции. В целом содержание сюжета разработано в ключе архаических сказаний о героическом сватовстве.

Сюжет повествует о героическом сватовстве отца Джангара, Узюнг-Алдар-хана, к дочери водного ханства, *дагни* Урман Цецен. Герою снится сон, будто что через дымоход его юрты вошло солнце, а в дверь

вошла луна. Взмолвленный, он спешит к Бёке Мёнген Шигширги, который с супругой-хатун поясняют, что сон его знаменует встречу с суженой, дочерью владыки водного ханства, дагни Урман Цецен. Но оказалось, что существует запрет, поскольку дагни сконцентрировала в себе счастье и благополучие своего рода, чтобы не утратить его, решили не выдавать ее замуж еще в течение трех лет.

Герой, не слушая уговоров Бёке Мёнген Шигширги и его хатун, отправляется в путь. Долгие странствия в поисках кочевья суженой изматывают героя, и он, лишенный физических сил, теряет сознание.

Дагни Урман Цецен, прознав о мучениях героя, спешит на помощь и исцеляет его. Исцелившись и набравшись сил, герой прибывает во владения водного ханства. Там он встречается с Урман Цецен, которой поведал о том, что в младенчестве его отец, преподнеся подношения ее родителям, совершил обряд сватовства, а теперь он прибыл, чтобы забрать ее.

Дагни советует ему выждать срок в три года, тогда их жизнь будет счастливой. Узюнг-Алдар-хан дает понять, что не намерен ждать: если ее родители дадут согласие, то он возьмет ее замуж, если воспротивятся — умыкнет.

Он извещает обо всем хана-отца и просит позволения взять в жены его дочь. Отец невесты, не желая нарушать установленных им условий, отказывает герою в просьбе выдать дочь замуж. Хан-отец поясняет, что он выдал замуж 99 дочерей, что самой младшей родилась дагни Урман Цецен, на которую наложен запрет выдавать замуж. Ханам Замбутива разнесли весть, что дочь они отдадут тому, судьбой предназначенному юноше, кто решит сто восемь трудных споров.

Поскольку он есть судьбой предназначенный юноша, в течение трех лет ему следует готовиться, и он должен разрешить сто восемь трудных задач, после чего может жениться на их дочери. Герой развязывает конфликт, вступает в сражение с войском ханства и в одиночку одерживает победу. Хан, нарушая запрет, оценив по достоинству доблесть и богатырские качества героя, отдает дочь замуж, предупредив их, что пять лет они будут жить счастливо, а на шестой год с ними случится беда, поскольку они нарушили запрет.

В течение пяти лет Узюнг-Алдар-хан с суженой живут счастливо, у них рождается сына Джангар, будущий правитель Бумбайской державы. Но затем сбывается пророчество хана-отца суженой и в кочевья Узюнг-Алдар-хан приходит беда. Владения Узюнг-хана подвергаются опустошительному нападению Свирепого Шара Мангаса — в живых остается лишь мальчик-сирота Джангар с жеребенком-двухлеткой, которого пленит хозяин соседнего кочевья — Бёке Мёнген Шигширги.

Данный эпизод восходит к известному сюжету «О подчинении Алтан Чееджи мудрого [Джангару]», повествующий о пленении юного Джангара нойоном Бёке Мёнген Шигширги. По всей вероятности данный эпизод встроен в сюжетное повествование и сложен под влиянием известного в джангаровской традиции сюжета калмыцкой версии, поскольку противоречит ранее описываемым событиям, где Бёке Мёнген Шигширги является близким другом и мирно соседствует с отцом Джангара.

Сюжет «О Хан-Сийре-витязе» [Джангар 2006: 7–30] — один из редких примеров разработки в синьцзян-ойратской традиции «Джангара» темы богатырского сватовства в духе поздней циклизации. Сюжет разрабатывает тему «мнимого жениха». Это весьма популярное в Синьцзяне сказание, повествующее о поездке Хан-Сийра к суженой и драматических коллизиях (убийство героя его побратимом-изменником, ослепление и остракизм принцессы, верной суженому, разоблачение и наказание ложного жениха Хонгором), возможно, самостоятельное в прошлом, оказалось втянутым в орбиту Джангариады в силу ее циклизующего начала [Кичиков 1997: 157].

В данной главе сюжет имеет контаминированную структуру, линия, связанная с главным героем, как бы заканчивается, а затем в функцию вступают иные персонажи, порождающие новые линии развития сюжета. Сюжет специфичен с точки зрения функции главного героя Хан-Сийра, который принимает участие лишь в экспозиционной части и уничтожении соперника. Борьба за невесту, в которой обычно участвует сам герой, совершается богатырем Хонгором. Повествование с прямым участием героя Хан-Сийра завершается, а все дальнейшее развитие сюжета происходит без него.

Контаминированное свойство сюжета проявляется снова, когда прерывается повествование о богатыре Улада, а повествуется об «исполнении трудной задачи» — добыче трех пудов золота в стране *мангаса* по велению Джангара. Данный эпизод носит автономный характер и, будучи изъятым, из общего плана структуры, не изменит предыдущего и последующего взаимосвязанного развития действия. Но этот сюжет, по всей вероятности, предпринят как попытка введения в план повествования героя Хонгора, который в последующем повествовании занимает функцию главного героя.

Начало сюжета повествует о герое Хан-Сийре, получившем весть о суженой от своих родителей. Данный эпизод явно восходит к сказочным мотивам-зачинам, когда родители или один из них оставляют герою наследство или дают важный совет-наказ. Перед кончиной родители рассказывают ему о суженой Мёндел Го, о Бумбайской державе, о родственных связях с ханом Джангаром и богатырем Хонгором и советуют ему навестить их.

Хан-Сийр снаряжается и отправляется в путь. В пути он встречается с Улада-богатырем, вступает с ним в поединок и одерживает победу над соперником, который просит о пощаде и изъявляет готовность стать его помощником. Как-то во время отдыха богатырь Улада пытается убить спящего Хан-Сийра, но герой дает отпор. Улада молит о пощаде, Хан-Сийр прощает, и они становятся побратимами. Вместе они направляются к Джангару и по пути встречают мудреца Алтана Чееджи. Хан-Сийр представляется и сообщает мудрецу о своих намерениях, о том, что собирается отправиться в дальнюю страну Мёнген хана к *рагни* Мёндел Го. Мудрец благословляет их и дает совет-напутствие богатырям. Во время очередного отдыха Улада-богатырь расправляется со спящим Хан-Сийром — разрубает Хан-Сийра на две части и превращает в два холма. Улада сменяет обличье и облачается в одежду и доспехи Хан-Сийра, седлает его коня. Улада в облике Хан-Сийра направляется в страну Мёнген-хана к *рагни* Мёндел Го. Дальнейшее развитие сюжета связано с пребыванием Улада в облике Хан-Сийра в ханстве Мёнген-хана.

Ханская служанка распознает Уладу как «мнимого жениха» и обо всем рассказыва-

ет хозяйке, ханской дочери. Ханская дочь, узнав о мнимости жениха, отказывается выходить за него замуж. Хан-отец чинит над ней расправу: Мёндел Го ослепляют глаз и оставляют ее без пищи.

Тем временем в сюжетное действие входит богатырь Хонгор, который по заданию Джангара отправляется в страну *мангаса*, добыв три пуда золота, благополучно возвращается с добычей домой. Затем Хонгор отправляется в страну Мёнген-хана. Прибыв, Хонгор меняет обличье на *тарху*-паршивца, коня превращает в захудалого жеребенка-двухлетку. *Тарха* просится остаться на ночлег к бедным бездетным старикам. Старики усыновляют *тарху*.

Как-то незрячая *рагни* ощутила сияние, исходящее от *тархи*. Служанка *рагни*, наблюдая за *тархой*, распознала в нем благородного богатыря. При встрече *рагни* поведала *тархе* о «мнимом Хан-Сийре». *Тарха* отправляется на поиски «мнимого Хан-Сийра», отыскивает, вступает с ним в поединок и расправляется с ним. После этого Хонгор отправляется к местонахождению двух холмов и возвращает к жизни истинного Хан-Сийра. Чудесным образом исцеляется и Мёндел Го. Хонгор с Хан-Сийром отправляются вместе в ханство хана Мёнген за суженой героя Мёндел Го. Хан Мёнген устраивает свадебный пир, и Хан-Сийр женится на Мёндел Го.

Перед отправлением домой хан в качестве приданого дарит дочери коня, после чего Хонгор и Хан-Сийр с суженой отправляются в путь. Возвратившись, богатырь Хан-Сийр поклоняется Джангару, тот в свою очередь произносит благословение богатырю Хан-Сийру, ханша Ага Шавдал одаривает подарками *рагни* Мёндел Го. В кочевьях Джангара устраивается большой свадебный пир. Хан-Сийр со своими владениями перекочевывает во владения Джангара.

Наряду с собственно синьцзян-ойратскими сюжетами, в традиции бытует известный сюжет «О женитьбе Хонгора» [Джангар 2005: 465–524], восходящий к сюжету калмыцкой традиции, эпического цикла сказителя Ээлян Овла. Сюжет разрабатывает тему «о мнимой невесте», героическом сватовстве, вначале неудачном, а затем удачном — в духе полистадиальных повествований, с архаическими мотивами и эпизодами позднего дружинного эпоса.

Разработка темы «брачных коллизий» в калмыцкой и синьцзян-ойратской версий отмечена некоторыми различиями, обусловленными этнолокальными особенностями бытования текста в традиции. В обеих версиях повествуется о двойном сватовстве — неудачном и удачном: первое к бесовке, второе — к девушке-*рагни*. В калмыцкой версии герой не женится на бесовке. В синьцзян-ойратской версии герой, женившись, узнает о бесовской сущности жены. В обеих версиях герой Хонгор, расправившись с мнимой невестой/женой, отправляется на поиски истинной суженой, находит ее, состязаясь, в упорной борьбе, добивается победы и женится.

В более подробном изложении сюжет повествует о восемнадцатилетнем герое Хонгоре, изъявившем правителю Джангару намерение жениться.

Джангар-хан с Мингъяном отправляется и сватает герою дочь Домбо Хара-хана, Шара Начин, после чего устраивается свадебный пир, и молодых женят.

Однажды в пророческом сне Хонгор получает весть о бесовской сущности взятой им супруги. Узнав, что она бесовка, разводящая смуту среди бумбайского народа, сплетница и бездельница, герой расправляется с супругой.

Затем Хонгор отправляется в странствия на поиски истинной суженой. После долгих скитаний Хонгор еле живым прибывает во владения одного иноземного хана. В облике *тархи*-паршивца он въезжает в пределы ханского *цахара*². Его обнаруживает старик и привозит домой. Став сыном бездетных стариков, герой обитает в чуждом кочевье. Он узнает, что во дворце Буурал Замбал-хана идет пир по случаю сватовства богатыря Бёке Цагана к дочери хана Зула Зандан. Как-то *тарха* увидел прекрасную Зула Зандан, от которой исходило сияние, подобное солнцу. Время спустя ханская дочь приглашает *тарху* в гости и откровенно заводит разговор о его неудачном сватовстве, о том, что в его скитаниях она явилась в облике лебедя и вдохнула в него жизнь, поскольку он с четырех лет предназначенный ей жених. По просьбе суженой Хонгор показывается в своем истинном облике. Герой выполняет просьбу дочери хана — демонстрирует ма-

стерство сказителя и исполняет «Джангар». Затем девушка просит *тарху* поучаствовать в поединке с борцом ее жениха, которого он побеждает, являя истинную богатырскую силу и мощь.

Тем временем в кочевья прибывает Джангар-хан, странствующий в поисках пропавшего героя Хонгора. В скитаниях Аранзал Зеерде его вконец отошал, а Джангар был совсем изнурён. Боевое желто-пестрое копье держа поперек, медленно въехал он в страну Буурал Замбала, подъехал к воротам бронзово-пестрого дворца и воззвал, славя Хонгора, описывая свои поиски и обещая вознаграждение тому, кто видел его или скажет о нем. Узнав об этом, *тарха* просит приемного отца-старика пойти и сообщить Джангару, что разыскиваемый им человек, находится у него. Старик сообщает Джангару радостную весть о местонахождении Хонгора. Происходит долгожданная встреча Джангара с Хонгором и тридцатью двумя вепрями-богатырями. Спустя какое-то время, Джангар справляется у Хонгора, есть ли в том кочевье достойная его девушка. Хонгор дает понять, что есть, но засватана она за другого. Посоветовавшись, Джангар с героем и дружиной, взяв свадебные угощения и подарки, отправляются свадебной процессией во дворец хана. Джангар со свитой прибывает к хану одновременно с прибытием стороны другого претендента. Буурал Замбал-хан, разрешая конфликт претендентов на руку его дочери, распоряжается о проведении трех видов состязаний (скачек, стрельбы из лука, борьбы).

В скачках, на расстояние пятидесяти *беря*, первым приходит скакун Буурал Галзан, принеся победу стороне Хонгора. В стрельбе из лука снова побеждает также представитель Хонгора, Мерген Эркен Хара. Выбрав благоприятный день, устраивают борцовский поединок претендентов. В решающий момент, когда соперник стал одерживать верх над Хонгором, отец его, Бёке Мёнген Шигширги, разнес железную казахскую телегу, вырвал с корнем растущее сандаловое дерево, пятьсот силачей разбросал в разные стороны и вступил в поединок с соперником сына. Расчленив соперника сына на части, одну голень бросил его отцу. Тогда Мангас-хан, оскорбившись, решает сразиться с Джангаром. Джангар с тридцатью пятью вепрями[-богатырями]

² *Цахар* — поселение подданных вблизи ставок владельцев-ханов.

принимает вызов противника, но отец невесты, Буурал Замбал-хан, вмешивается в конфликт и примиряет обоих ханов. Мангас-хан, признав поражение и сожалея о гибели своего сына, отправляется домой.

Буурал Замбал-хан, по случаю свадьбы своей дочери Зула Зандан с богатырем Хонгором устраивает пир. Перед отъездом хан спрашивается, что дочь хотела бы взять в качестве приданого. Зула Зандан в качестве приданого пожелала взять хранящийся в верхнем углу золотой ларец и семь лет не приносившую потомства норовистую соловою верблюдицу.

К приезду Хонгора с молодой жено на берегу океана Шикирлю воздвигли белую дворцовую юрту, собрали народ кочевья и устроили большой свадебный пир. Когда пир у Джангара завершился, матушка Хонгора, ханша Ава Герел, пригласила подданных в свое жилище. Так благоденствующий джангаров народ соединил узами брака Благодарного Алого Хонгора с его суженой.

Сюжет «О женитьбе Хошун Улана» [Джангар 2006: 755–772] относится к поздней эпике, с элементами контаминации и сказительского новаторства. Сюжет построен на повествовании, обусловленном скрытой мотивировкой, — герой не озвучивает своих истинных намерений и отправляется в странствия, где в одном иноземном ханстве встречает дочь хана необыкновенной красоты, излучающую свет и сияние, именно это становится признаком идентификации в девушке суженой, после чего он вступает в борьбу и заполучает ее.

Повествование в части нахождения героя в стране иноземного хана, отца суженой, типологически сходится с сюжетом калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «О женитьбе богатыря Хонгора», — возможно, это является результатом прямого заимствования внутри традиции. В данном сюжете также налицо влияние традиции — архаизация сюжета путем введения в повествование сказочно-эпических мотивов с элементами ритуалов свадебной обрядности.

Сюжет «О женитьбе Хошуна» повествует о героическом сватовстве сына Хонгора, Хошуна. Мотивом отправления героя на поиски суженой служит решение родителей сосватать ему дочь Хормусты-тенгрия. Хошун Улан противится родительскому мнению и отправляется в путь.

Далее сюжет повествует о странствиях героя и прибытии в приграничье одного иноземного кочевья. Повествование изобилует событийными эпизодами и архаическими сказочно-эпическими мотивами: герой предаётся отдыху, принимает облик *тархи*-паршивца, встречается с помощниками — сначала со старцем, который дает ему пищу, затем бедными стариком и старухой, которые приютили и усыновили его. Пребывание героя в иноземном ханстве изобилует приключениями и событиями, в которых он демонстрирует богатырскую удачу, сноровку, смекалку, хитрость, ум, искусность и одаренность, силу и мощь.

Герой от матушки-старухи узнает информацию о хане, его дочери и претендентах на ее руку. Затем герой в облике *тархи* отправляется во дворец и вступает в спор с ханским поваром. Чтобы рассудить, их приводят к хану. *Тархе* удается убедить хана в своей невиновности, и он получает ханские дары — коня и овцу.

Тарха отправляется к табуна за дарованным ему конем и встречает коня богатыря-соратника Савара — Кюрюнг Галазана, гривы и хвост которого были грязны и спутаны, сам он был покрыт гнойными ранами и ссадинами; из ханской отары ловит сопливого, грязно-шёрстного ягненка. Мотив встречи героя на чужбине с конем богатыря-соратника явно является плодом позднего новаторства и сюжетной контаминации.

Тарха справляется о причине его нахождения в кочевье, конь поясняет, что он участвовал с богатырем Саваром в большой битве, но в ходе сражения они с хозяином расстались. Едва оставшись живым, спасаясь он, прискакав в эти кочевья, и стал здесь добычей. *Тарха* отпускает коня на луга пастись, а сам возвращается в лачугу к родителям. Забили они овцу, стали есть, а мясо все не кончалось.

Тарха для получения суженой использует различные уловки и хитрости, демонстрирует признаки необычного юноши, то магическим образом заговаривает нож, и, суженая, воспользовавшись им, легко справляется с мясом; по желанию суженой исполняет двенадцать духовных песен, повествующих о Джангаре и стране Бумбе; участвует в ритуале поклонения жениха и невесты с берцовой костью, вступает в тяжбу с женихом-соперником.

Хошун Улан и богатырь Цаган обращаются к хану Нарандале рассудить их. Отец невесты рассудил соперников и объявил о проведении трех состязаний за невесту, кто выиграет состязания, тот и возьмет его дочь в жены. Кульминационным моментом сюжета является борьба героя с соперником за суженую. Герой участвует в трех состязаниях — скачках, стрельбе из лука, борьбе и выигрывает. В типологическом ключе описывается развязка повествования. В стране хана, отца невесты, устраивается свадебный пир. Через какое-то время герой с суженой собираются отправиться домой и родители одаривают свою дочь приданым — верблюдом с серебряным поводом, конем с золотой уздой, шелковым *дэлэ*, сладостями, *арзой*, вареным бараном; два десятка юношей-богатырей сопровождают их до окраин кочевий.

Благополучное прибытие домой знаменуется долгожданной встречей с родителями — невеста совершает обряд поклонения и получает благословение родителей; родители одаривают невестку подарками и устраивают большой свадебный пир. Во главе с многочисленными богатырями-дядьями, народ их огромного кочевья собирается в ставке-дворце Хонгора Алого-льва, составив семь кругов, пируют, произнося благопожелания, пребывая в счастье и благоденствии.

Сюжет «О женитьбе сокола среди людей Савра Тяжелорукого» [Джангар 2005: 525–536] относится к поздней эпике классического героического типа, характерными чертами которого является наличие эпизодов и мотивов, относимых к дружинному эпосу. В отличие от сюжетов архаического типа, где герой единолично принимает решения и преодолевает всевозможные испытания, герой советуется с правителем и богатырями-соратниками. Налицо прева-лирование вассальных отношений, когда правитель и дружина не оставляют героя в затруднительных ситуациях, а спешат оказать помощь и поддержку. Конфликтная острота сюжета и необходимость дружинного участия, обусловлена наличием у героя сильного соперника. Правитель и дружина богатырей-соратников отправляется вместе с героем в страну иноземного хана, участвуют в состязаниях за невесту. Мотив трех состязаний в данном сюжете претерпел некоторую трансформацию, виды состяза-

ний остались прежними (стрельба из лука, скачки, борцовский поединок), но изменения претерпел состав участников, поскольку состязания носят не единоличный характер, когда герой сам участвует во всех трех состязаниях, а дружинный, когда с обеих сторон участвуют представители. Лишь в последнем состязании, борцовском поединке, претенденты на руку дочери хана, герой и его соперник, принимают участие сами. Сюжет композиционно выстроен в традиционном ключе повествований о героическом сватовстве и включает основные эпизоды и мотивы. Следует отметить, что содержание сюжета, событийный фон, функции персонажей, описание событий приближены к исторической действительности. Архаизация затронула лишь персонаж, представляющий соперника героя, являющегося сыном *мангаса*, архаического хтонического существа. Повествование на протяжении всего сюжета типологически сходится с сюжетом калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «О женитьбе богатыря Хонгора», что также является возможным результатом заимствования и влияния традиции.

Прежде чем отправиться в страну суженой Номо Тёгес, дочери хана Нарандалы, герой просит позволения и благословения у правителя Джангара, правитель в свою очередь прислушивается к совету мудреца-советника Алтана Чееджи, и герой неукоснительно подчиняется мнению и решению правителя. Принятие решения связано с тем, что Свирепый *мангас* Арвас Хара собирается засватать эту девушку своему сыну Бёке Хара, поэтому герой Савар торопится встретиться с соперником, помериться силами и посостязаться с ним.

Славный *нойон богдо* Джангар, обратившись к двенадцати главным богатырям своим, к восьми тысячам *бодонгам*³ своим, справляется о свирепом мангасе Арвас Хара и его десяти тысячной армии. Тогда мудрец Алтан Чееджи разъясняет, что кочевье Арвас-хана принадлежат *мангасу* Андалме. Десять тысяч львов его жаждут крови, владения их источают запах человеческой крови, черно-бронзовый дворец их черным дымом объят. В восточной стороне сейчас находится он. Запугав Нарандалу-хана, намеревается заполучить его дочь Номо Тёгес, и готовится к свадьбе он.

³ Бодонг — вепрь-богатырь.

Учитывая сложность ситуации, мудрец советует герою отправиться с Алым Хонгором. Славный *нойон богдо* Джангар, выслушав совет мудреца, обратился к двенадцати главным богатырям и восьми тысячам воинов с призывом на дело, задуманное соколом среди людей — Саваром Тяжелоруком, отправиться всем вместе. Постараться сделать все возможное, чтобы задуманное воплотилось, если не сложится, посмотрят, что делать. Джангар принимает решение и, возглавив свадебную процессию, состоящую из богатырской дружины шести тысяч двенадцати богатырей, навьючив свадебные дары и подношения, отправляется в путь.

Далее повествование сюжета выстроено в традиционном ключе. Джангар с богатырями прибывает к иноземному хану и излагает цель своего приезда — намерение стать с ним крепкими сватами и родственниками.

Тем временем прибывает еще один претендент Арвас Хара-хан со свитой бодонгов и свадебных угощений. Хан Нарандала, учитывая сложность ситуации, — если он даст согласие стороне славного нойона Джангара, то будет опасаться Арвас Хара-хана, если он даст согласие Арвас Хара-хану, будет опасаться славного нойона Джангара, — принимает решение о проведении трех состязаний за невесту, кто выиграет в этих трех состязаниях, тот и возьмет его дочь замуж. Сторона Джангара одерживает победу в состязаниях. В борцовском поединке, герой Савар, также одерживает верх над соперником и расправляется с ним. Конфликт соперничающих сторон усугубляется, когда герой, расправившись с соперником, приносит правую часть тела соперника и бросает перед его отцом, мангасом Арвас Харом. Разгневанный Арвас-хан, посчитав, что состязание было нечестно выиграно, выдвинувшись со стотысячной армией львов-богатырей, решает сразиться со стороной Джангара. В свою очередь, Джангар, оседлав Аранзала Зеерде, с двенадцатью богатырями, восемью тысячами *бодонгами*, намереваясь дать отпор, отправляется к месту сражения, правому склону горы Цаган. Но прибывает Нарандала-хан и, обратившись к Арвас Хара хану и славному Джангару, просит их не враждовать и разрешить спор мирно.

Арвас хан, высказав славному *нойону богдо* Джангару добрые пожелания, со ста

тысячами львами-богатырями отправился в свои кочевья. Сюжетное повествование завершается традиционно, сначала свадебным пиром у тестя, получением приданного, возвращение Джангара и его дружины в родные кочевья и свадебным пиром в Бумбайской державе.

Таким образом, анализ эпических сюжетов о героическом сватовстве, в контексте поздней национальной традиции ойратов Синьцзяна, выявил некоторые характерные особенности сюжетосложения. Разработка универсальной для тюрко-монгольской эпике темы героического сватовства в синьцзян-ойратской традиции отмечена многообразием, отражающим различные формы сватовства сказочно-эпической архаики, а также последовательные изменения брачных и семейных отношений, пережитки обычаев матриархата и патриархальных тенденций; брака-умыкания, брака по колыбельному сговору, традиционного брака и др.

В ходе исследования было выявлено, что в синьцзян-ойратской традиции представлены все типы сюжетов: архаизированные сюжеты, насыщенные мотивами, традиционные и классические. Обнаружены также полистадиальные образцы, имеющие в большей или меньшей степени, влияние архаического и классического типов эпоса. Следует отметить, что некоторые традиционные мотивы претерпели трансформацию в сюжетах классического типа, а их содержание, событийный фон, функции персонажей, приближены к исторической действительности. В сюжетах поздней эпике «живой» синьцзян-ойратской традиции наблюдаются процессы сказительского новотворчества и контаминации. Контаминация может быть проявлена на уровне эпизодов, обусловленных контекстными взаимосвязями сюжетов внутри традиции и общности, а также заимствованиями калмыцкой версии («О женитьбе Узюнг Алдар хана», «О том, как славный нойон богдо Джангар взял в жены Ага Шавдал», «О женитьбе Хошуна»). Обнаруживаются сюжеты, имеющие двухходовую контаминированную структуру, — сюжет «о мнимом женихе» («О Хан Сийре»), сюжет «о мнимой невесте» («О женитьбе Хонгора»), сюжет «о запрете и его нарушении» («О женитьбе Узюнг Алдар хана»).

Эпическая общность сюжетов обнаруживается на содержательном уровне эпических ситуаций и коллизий, функций персонажей, ходе повествования. Сюжеты композиционно выстроены в традиционном ключе повествований о героическом сватовстве. Релевантными сюжетными признаками отмечены эпические коллизии, связанные с участием героя в состязаниях за невесту, а также типологические мотивы: поиска суженой, исцеления героя суженой, *тархи*-паршивца, трех брачных состязаний, получения приданого, свадебного пира.

Роль традиции существенна в сюжетосложении синьцзян-ойратского «Джангара». Так, в орбиту собственно джангаровской традиции могут входить эпические сказа-

ния, имевшие ранее самостоятельный статус («О Хан Сийре»). Прямое заимствование сюжетов и бытование сюжета в традиции, порождают варианты, с признаками внутренней вариативности мотивов, которые могут изменяться, трансформироваться, замещаться. Сюжет «О женитьбе Хонгора» является результатом прямого заимствования одноименного сюжета калмыцкой версии. Некоторые сюжеты могут доминировать в традиции и влиять на возникновение новых сюжетов, сохраняя инвариантную суть, модифицируясь и трансформируясь на уровне мотивов. Так, сюжеты «О женитьбе Няrbата», «О женитьбе Хошуна» в своей целостности являются трансформацией сюжета калмыцкой версии «О женитьбе Хонгора».

Литература

- Богатырев, Якобсон 1971 — *Богатырев П. Г., Якобсон Р. О.* Фольклор как особая форма творчества // Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Веселовский 2006 — *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжета // Избранное: историческая поэтика / под. ред. И. О. Шайтанова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 533–652.
- Дандес 2003 — *Дандес А.* От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок / пер. с англ. А. В. Козьмина, коммент. А. В. Козьмина, А. С. Архиповой // Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. ст. / пер. с англ., сост. А. С. Архипова. М.: Вост. лит., 2003. С. 14–29.
- Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.
- Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 831 с.
- Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.
- Джапуа 2016 — *Джапуа З. Д.* Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М.: Вост., лит., 2016. 381 с.
- Жирмунский 2004 — *Жирмунский В. М.* Литературные отношения Востока и Запада и развитие эпоса // Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки. М.: ОГИ, 2004. С. 105–168.
- Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. 3-е. изд. репринтное. М.: Вост., лит., 1997. 319 с.
- Левинтон 1975 — *Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 303–319.
- Манджиева 2018а — *Манджиева Б. Б.* Композиционные особенности песен джангарчи Давы Шавалиева // Монголоведение. 2018. № 14. С. 98–115.
- Манджиева 2018б — *Манджиева Б. Б.* Синоптический анализ прологов «Джангара» (Багацохуровский цикл 1857–1862 гг.) // Oriental Studies. 2018. № 5 (39). С. 174–186.
- Неклюдов 1996 — *Неклюдов С. Ю.* Варьирование как механизм фольклорной коммуникации // 100 лет Р. О. Якобсону: мат.-лы. межд. конгр. (г. Москва, 18–23 дек. 1996 г.). М.: РГГУ, 1996. С. 230–232.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141–156.
- Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
- Путилов 1999 — *Путилов Б. Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.

- Райхл 2008 — *Райхл К.* Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер; под ред. Д. А. Функа. М.: Вост., лит., 2008. 383 с.
- Селеева 2018а — *Селеева Ц. Б.* Синьцзян-ойратская версия «Джангара»: эпосоведческие исследования в Китае // *Oriental Studies*. 2018. № 1. С. 121–130.
- Селеева 2018б — *Селеева Ц. Б.* Характер историзма эпоса «Джангар» сквозь призму сюжета // *Новый филологический вестник*. 2018. № 3 (46). С. 46–56.
- Силантьев 2002 — *Силантьев И. В.* Мотив как проблема нарратологии // *Критика и семиотика*. Новосибирск: Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2002. Вып. 5. С. 32–60.
- Силантьев 2016 — *Силантьев И. В.* Теория мотива А. Н. Веселовского в рецепции В. Я. Проппа и проблема Мотиного инварианта // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы* / отв. ред. Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 237–245. (Серия «Humanitas»)
- Сорокина 2016 — *Сорокина С. П.* Идеи А. Н. Веселовского в работах П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона 1920–1930-х годов // *Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы* / отв. ред. Т. В. Говенько. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 206–221. (Серия «Humanitas»)
- Тамарченко 2003 — *Тамарченко Н. Д.* Эпика // *Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 219–244.
- Топорков 2003 — *Топорков А. Л.* Фольклорные формы словесности // *Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 133–157.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Космогонические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // *Новый филологический вестник*. 2018. № 3 (46). С. 35–45.
- Убушиева 2019 — *Убушиева Д. В.* Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // *Новый филологический вестник*. 2019. № 1 (48). С. 57–69.
- Якобсон 2011 — *Якобсон Р. О.* Формальная школа и современное русское литературоведение / ред.-сост. Т. Гланц; ред. Д. Сичинава; пер. Е. Бобраковой–Тимошкиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.
- Путилов 1970 — *Путилов Б. Н.* За структурата на създаването на сижетите во билините и во јуначките песни (резиме) // *Македонски фолклор*. Скопје, 1970. С. 9–24.

References

- [The *Jangar*: a Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols]. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2005. Vol. 1. 856 p. (In Russ. and Kalm.)
- [The *Jangar*: a Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols]. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2006. Vol. 2. 831 p. (In Russ. and Kalm.)
- [The *Jangar*: a Heroic Epic of Xinjiang Oirat Mongols]. In 3 vols. Elista: Dzhangar, 2008. Vol. 3. 460 p. (In Russ. and Kalm.)
- Bogatyrev P. G., Yakobson R. O. Folklore as a special form of creativework. In: [Folk Arts: Questions of Theory]. Moscow: Iskuststvo, 1971. Pp. 369–383. (In Russ.)
- Dundes A. Structural studies of fairy tales: from ethnic units to emic ones (Eng.-to-Russ. transl. by A. V. Kozmin, comm. by A. V. Kozmin, A. S. Arkhipova). In: [Folklore: Semiotics and / or Psychoanalysis]. Coll. papers. A. S. Arkhipov (comp., transl.). Moscow: Vost. Lit., 2003. Pp. 14–29. (In Russ.)
- Dzhapua Z. D. [The Nart Epic of the Abkhazians: Textology, Semantics, Poetics]. Moscow: Vost. Lit., 2016. 381 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [The Heroic Epic of *Jangar*: a Comparative and Typological Study of the Monument]. 3rd ed., reprint. Moscow: Vost. Lit., 1997. 319 p. (In Russ.)
- Levinton G. A. Studies of narrative folklore revisited. In: [Typological Studies of Folklore]. Coll. papers. E. M. Meletinsky, S. Yu. Neklyudov (comps.). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 303–319. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Epic songs recorded from Dava Shavaliyev: compositional features. *Mongol Studies*. 2018. No. 14. Pp. 98–115. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Baya Tsokhor Cycle of the *Jangar* epic (1857–1862): a synoptical analysis of prologues. *Oriental Studies*. 2018. No. 5 (39). Pp. 174–186. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Variability as a means of folklore communication. In: [Celebrating the 100th Anniversary of Birth of R. O. Yakobson's Birth]. Cong. proc. (Moscow; December 18–23, 1996). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1996. Pp. 230–232. (In Russ.)
- Propp V. Ya. [Morphology of the Magic Fairy Tale]. I. V. Peshkov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. [Folklore and Folk Culture; In Memoriam]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 464 p. (In Russ.)

- Putilov B. N. [Insights into the Theory and History of the Slavic Epic]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 288 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Revisiting the structures serving as bases for plots in *bilinities* and in *jvkakite* songs (resume). In: [Macedonian Folklore]. Skopje, 1970. Pp. 9–24. (In Maced.)
- Putilov B. N. The motif as a plot-forming element. In: [Typological Studies of Folklore]. Coll. papers. E. M. Meletinsky, S. Yu. Neklyudov (comps.). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 141–156. (In Russ.)
- Reichl K. Turkic Oral Epic Poetry. Traditions, Forms, Poetic Structure. Eng.-to-Russ. transl. by V. Treister; D. A. Funka (ed.). Moscow: Vost. Lit., 2008. 383 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. A Xinjiang Oirat version of the *Jan-gar*: epic studies in China. *Oriental Studies*. 2018. No. 1. Pp. 121–130. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. The nature of the historicism of the epic *Dzhangar* through the prism of the plot. *The New Philological Bulletin*. 2018. No. 3 (46). Pp. 46–56. (In Russ.)
- Silantiev I. V. A. N. Veselovsky's theory of motif as viewed by V. Ya. Propp and the problem the 'motif invariant'. In: [Aleksandr Veselovsky's Heritage in the World Context]. T. V. Govenko (ed.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. Pp. 237–245. (In Russ.)
- Silantiev I. V. The motif as an issue of narrative studies. In: [Criticism and Semiotics]. Novosibirsk: Inst. of Philology (Sib. Branch of RAS), 2002. Is. 5. Pp. 32–60. (In Russ.)
- Sorokina S. P. A. N. Veselovsky's ideas in works of P. G. Bogatyrev and R. O. Yakobson: 1920–1930s. In: [Aleksandr Veselovsky's Heritage in the World Context]. T. V. Govenko (ed.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. Pp. 206–221. (In Russ.)
- Tamarchenko N. D. Epics. In: [Theory of Literature]. Vol. III: Genres (key problems in a historical perspective). Moscow: Inst. of World Literature of RAS, 2003. Pp. 219–244. (In Russ.)
- Toporkov A. L. Folklore forms of literature. In: [Theory of Literature]. Vol. III: Genres (key problems in a historical perspective). Moscow: Inst. of World Literature of RAS, 2003. Pp. 133–157. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Cosmogonic motives in the prologue of the epos 'Dzhangar'. *The New Philological Bulletin*. 2018. No. 3 (46). Pp. 35–45. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Motives of 'tuul – uliger' (archaic epos) in the heroic epos 'Dzhangar'. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 1 (48). Pp. 57–69. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Poetics of Plots. In: [Selected Works: Historical Poetics]. I. O. Shaitanov (ed.). Moscow: ROSSPEN, 2006. Pp. 533–652. (In Russ.)
- Yakobson R. O. [Russian Formalism and Contemporary Russian Literary Studies]. T. Glants (comp.); D. Sichinava (ed.); E. Bobrakovva–Timoshkina (transl.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tuR, 2011. 280 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. Literary relations between the East and the West and development of the epic genre. In: [Folklore of the West and the East: Comparative Historical Essays]. Moscow: OGI, 2004. Pp. 105–168. (In Russ.)

